

УДК 1(091)

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ В ГЕРМАНИИ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ

А.В. Горобий

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Выйдя из лона философии, история понятий как программа междисциплинарных исследований вначале завоевала себе популярность и прочные позиции в других гуманитарных науках – литературоведении, эстетике, лингвистике, социологии и т. д. В частности, она стала важным инструментом так называемого «культурологического поворота». А в последнее время история понятий все чаще применяется и в естественных науках, открывая тем самым перспективы преодоления барьеров между ними и гуманитарными дисциплинами. Ключевые слова: история понятий, немецкая философия, история философии, системная философия, критика.

Ключевые слова: история понятий, междисциплинарность, гуманитарные науки, естественные науки, культурология, Германия.

Долгое время история понятий, несмотря на свою имманентную междисциплинарность, оставалась философской дисциплиной. В 1960-х гг., благодаря неординарному подходу и личной харизме Райнхарта Козеллека, история понятий утвердилась в области историописания, и лишь в конце XX в. она стала по-настоящему междисциплинарным направлением, ныне весьма популярным в академических кругах Германии. **Цель данной статьи** – представить, пусть и в сжатом виде, то многообразие исследований по истории понятий, которое имеет место на стыке гуманитарных дисциплин и за их пределами (т. е. по линии взаимодействия с естественными науками) в наши дни.

Литературоведение до недавнего времени играло в области истории понятий лишь «импортирующую, заимствующую и усваивающую» роль (несмотря на участие отдельных ученых-литературоведов и в Комиссии сената DFG, и в «Историческом словаре философии»). О самостоятельном вкладе литературоведения в историю понятий можно говорить только в последние два десятилетия на основе двух словарей.

Первый из них – словарь «Базовые понятия эстетики» – был задуман в 1980-х гг. в Центральном институте истории литературы Академии наук ГДР, что было признаком определенной либерализации. После объединения Германии проект словаря был доверен Центру исследований литературы в Берлине (с 1996 г.) и реализован в 2000–2005 гг. путем издания 7 томов. Несмотря на декларируемую междисциплинарность и трансдисциплинарность в направлении всех дисциплин, близких к «эстетическому знанию», набор и содержание статей словаря свидетельствуют о его преимущественно литературоведческом профиле.

В 1990 г. был выпущен подготовительный том «Исследования для исторического словаря». В нём «понятие» трактовалось в русле материалистической эпистемологии, нацеленной на отведение любых подозрений в идеализме: «Понятия – это не непосредственно Языковое, не знаки (и поэтому не имеют «значений»); скорее это конечная ступень формирования образа (Abbildung), содержимое памяти. Понятия интермодальны, т. е. все человеческие органы вносят вклад в формирование понятий в памяти. Доступ к понятиям через язык – не единственный путь, но наиболее короткий и ключевой для истории понятий» [1, s. 23]. Эта известная с XVIII в. теория о том, что значения представляют собой впечатления от окружающего мира, передаваемые в мозг человека через органы чувств, применима не только к «понятиям», но и к любым другим смысловым элементам, а значит, она никак не помогает дифференцированию предмета истории понятий.

Данная материалистическая трактовка понятий не была включена в предисловие к первому тому словаря «Базовые понятия эстетики», изданному в 2000 г. Однако в нем был сохранен другой «материалистический» тезис – тезис о том, что в конце XX в. искусства и вместе с ними эстетическая рефлексия перешли со своих традиционных идеалистических основ к самосознанию на базе «эстетизиса» (Aisthesis), т. е. чувственного восприятия [2]. Этот тезис вполне соответствует современным тенденциям – медийным исследованиям и дискуссии об «эстетике товаров» и «массовой культуре», начатой еще в середине XX в. Франкфуртской школой: «По-видимому, старые и новые носители информации, которые в наши дни определяют быт людей по всему миру, вызывают изменение и культурно-исторической парадигмы, в центре которой – после относительно короткого периода утверждения эстетической мысли – прежнее понимание слова aistheis в качестве чувственного восприятия приобретет совершенно новое значение. Герменевтические поиски смысла безнадежно устареют на краю академического цеха, будучи чуждыми реальной жизни, если они не признают чувства источником эстетических потребностей» [1, s. 45]. Кроме того, в качестве программы словаря в предисловии к нему провозглашаются «описание и изучение культурного обмена между европейскими нациями, фактов заимствования и перевода понятий, развития понятий в национальных эпицентрах», анализ «исторических параллелей образования понятий и конкретных случаев перехода понятий из одной языковой среды в другую» [2, s. VII, XII].

Вторым свидетельством вклада литературоведения в историю понятий является трехтомное новое издание «Предметного лексикона немецкого литературоведения» [3]. Составители лексикона наряду с прежними обязательными разделами статей «История слова», «История предмета» и «История изучения» ввели новую обязательную рубрику «История понятия»: «В интересах прояснения и уточнения научного

языка «Предметный лексикон немецкого литературоведения» отличается от других лексиконов по возможности максимально четким разделением информации о слове, понятии, предмете и изучении предмета» [3, bd. 1, s. VII].

Сегодня история понятий стала важным направлением в литературоведении. Карстен Дутт описывает общую схему применения истории понятий в литературоведении. Недостаточно просто выяснить, в каком значении автор А и автор Б употребляют, например, понятие «юмор». Необходимо каждое понятие рассматривать как элемент структурированного поля понятий, как ячейку сети понятий, в которой друг с другом соотносятся вышестоящие и нижестоящие, коррелирующие и противопоставленные понятия. Эта сеть понятий есть функция того комплекса высказываний, смысл которого надлежит реконструировать путем исследования понятий. В частности, различия между употреблением того или иного понятия разными авторами должны быть не только максимально четко описаны, но и объяснены причины изменения понятия. Дутт подчеркивает, что история понятий – это всегда «объясняющая история» [4, s. 105–107].

Он различает четыре основных функции истории понятий в рамках литературоведения:

опровержение видимой неизменности понятий,

реконструкция сетей литературных понятий,

объяснение изменения понятий,

поддержка дальнейших исследований по истории литературы путем понятийного прояснения предмета этих исследований [4, s. 102].

Дутт подчеркивает, что история понятий – это гораздо больше, чем просто вспомогательная методика в литературоведении, но в то же время она не может претендовать на роль интегрирующей дисциплины и на новую парадигму. Предметом литературоведения остаются по-прежнему тексты, а не понятия, т. е. литературоведение должно избегать слишком претенциозного «понятийного поворота» [4, s. 109].

В настоящее время гуманитарные науки переживают обновление под знаком культурологии. Свой вклад в культурологический поворот гуманитарных наук внесла и история понятий в той мере, в какой она утверждала антитеологическое представление об исторической обусловленности всех форм знания. Обратное влияние культурологического поворота на историю понятий проявляется в смещении предметного интереса истории понятий – от науки к знанию, от эстетики к произведениям искусства, от теории к практикам и техникам, от письменных источников к другим типам передачи информации, от абсолютных метафор к метафорологическому мышлению и его референциям.

В центре культурологически ориентированной истории понятий оказывается вопрос о том, что происходит на стыке между языковыми и неязыковыми феноменами, материальными объектами и их значением,

вещами и словами. Берлинский культуролог Клаус Крюгер распространяет метод истории понятий на изобразительные искусства, которые считаются беспонятийными по определению. Он показывает, как понятие «палимпсест», происходящее из изобразительных искусств, утвердилось в литературоведении, а теперь может применяться к визуальным источникам [5]. Аби Варбург еще 100 лет назад предлагал создать альбом изображений, совмещающий семиотический и эстетический анализ. Перспективными являются также исследования Хорста Бредекампа о взаимосвязи изобразительного искусства и философии и музыковеда из Цюриха Лауренца Люттекена об исторической семантике в музыке.

Культурологически ориентированная история понятий предполагает изучение того, как дискурс сам создает те предметы, которые в нем тематизируются: этот аспект в науке зачастую остается неосмысленным. История понятий должна учитывать социальные условия, дискурсивные стратегии участников дискуссий и т. д., иначе она похожа на футбольную трансляцию, когда на экране видно только движение мяча, но не видны ни игроки, ни судьи, ни зрители. Примерами исследований взаимосвязи социально-политической и научной аргументации являются работы Мартина Венгелера и Клеменса Кноблоха.

В 1995 г. дюссельдорфская исследовательская группа германистов представила своего рода историю понятий Федеральной Республики Германия, а именно понятийный анализ наиболее общественно-актуальных тем [6]. На основе протоколов бундестага и материалов СМИ была описана эволюция значений и употребления таких «понятий», как «социальная рыночная экономика» (*soziale Marktwirtschaft*), «рост» (*Wachstum*), «довооружение» (*Nachrüstung*), «гастарбайтер» (*Gastarbeiter*), «мультикультурное общество» (*multikulturelle Gesellschaft*) и т. д., с целью выявления изменений общественного сознания и социального знания. Исследователи анализировали также метафоры и образцы аргументации (*Argumentationsmuster*) как глубинный уровень семантики дискурса, увязывая таким образом семантически ориентированную историю понятий и прагматически ориентированную историю аргументации.

При отборе источников авторы ориентировались на метод Рольфа Райхардта, который, в свою очередь, опирался на концепцию семантического изменения Дитриха Буссе, Людвиг Егерса и других лингвистов. Согласно этой концепции, основным индикатором изменения значения является тот момент, когда носителю языка становятся ясны релевантность языкового наименования, изменение значения или употребления того или иного выражения и он реализует это изменение, т. е. тот момент, когда язык эксплицитно тематизируется. Соответственно выбирались источники, свидетельствующие о такой тематизации. Однако поскольку тематизация может происходить идиосинкразически или быть обусловленной какими-либо интересами, необходимо привлекать

также источники, свидетельствующие об «обычном» (некритическом) употреблении выражений, особенно когда одинаковые выражения употребляются разными группами в разном значении для обозначения одинаковых реалий (предметов). Из этого становится ясно, какое социальное знание считается само собой разумеющимся и ускользает от критики со стороны носителей языка. Напротив, случаи тематизации языка свидетельствуют об осознаваемых конкурирующих конструктах действительности.

Таким образом, расширение истории понятий производится дюрингской группой по следующим направлениям: 1) изучение новейшей истории; 2) источники, приближенные к повседневной жизни и к социально распространенным формам знания; 3) методически обоснованный выбор текстов, в которых имеет место эксплицитная тематизация языка; 4) анализ «глубинной семантики» контекстов.

Клеменс Кноблох (р. 1951 г.) призывает к широкому взаимодействию истории понятий, истории власти и истории процессов принятия решений. История понятия «глобализация» в будущем будет немыслима без учета того, какие властные и политико-экономические решения были навязаны странам первого и третьего мира под давлением обстоятельств глобализации. В этом смысле ведущие понятия (*Leitbegriffe*) массовой демократии необходимо анализировать как фигуры сцепки характерных для них двух властных логик – «логики решений» и «логики общественной инсценировки». Кноблох считает отличительной чертой базовых и ведущих понятий их соединительный потенциал, а также их «спорность», диапазон обеспечиваемой ими коммуникации. Он говорит о понятиях, воплощенных в словах (*Verkörperungen*). В частности, такие воплощения, как «раса», выполняют функцию паромы в общественном дискурсе. Они делают публичную властную коммуникацию доступной для влияния со стороны ученых и подкрепляют вненаучный властный дискурс, наклеивая на него этикетку «научности». Таким образом, и власть, и наука извлекают выгоду из соединительного потенциала ведущих понятий.

Сила действия политических понятий (и их более или менее «научных» адаптаций) проистекает не из «понятийных» признаков семантической структуры, а из когнитивно-элементарных фактов соединения и рассеивания. Научная терминологизация категорий «раса», «дух» или «культура» представляет собой лишь скромные попытки когнитивного структурирования на фоне продолжающих действовать коннотаций, поддерживающих убедительность и употребительность этих категорий. Семантические «воплощения» более пригодны для соединения и рассеивания форм и элементов социального знания именно потому, что у них меньше внутренней последовательности, чем у теоретических «понятий». В каждом случае новые обстоятельства делают вновь привлекательным выражение, обремененное прежними коннотациями и обозна-

чениями. Поэтому выявление предшествующих дискурсов имеет лишь ограниченную ценность, тем более если носителям этих прежних дискурсов приписывается ответственность за последующее употребление того или иного выражения. В частности, семиотически наивно возводить империалистическое понятие «расы» к его аристократическим предшественникам.

Как сегодня мы не можем игнорировать нацистские коннотации слова «раса», так и в 1933 г. люди не могли отрешиться от модернизирующего, «естественно-научного» и поляризирующего потенциала данного слова. В этом смысле невозможно разделять «употребление» и «злоупотребление» тем или иным выражением. Даже «научное» употребление не может быть свободно от пропагандистских коннотаций. Теоретизация и терминологизация семантических воплощений есть стратегия их дискурсивного сужения (*Verknapfung*), что часто связано с политической борьбой, авторитарными решениями и опалой для тех, кто придерживается альтернативных значений того или иного выражения.

Анализ взаимосвязи понятий (воплощений) и властных практик должен включать в себя рассмотрение следующих свойств языковых выражений, которые пока недостаточно освещаются в языкознании:

соединительный потенциал слов (Какие дискурсы соединяются при употреблении данного слова? Какие различия преодолеваются?);

рассеивающий потенциал (Каков диапазон действия языкового выражения? Используется ли оно в коммуникациях разного порядка с разными значениями, но в том же словесном воплощении?);

гибкость для включения и исключения тех или иных элементов – тем, личностей, общностей;

коннотации (Какие следы прошлых языковых и социальных практик несет в себе языковое выражение? С каким опытом и ожиданиями оно связано?);

обязательность согласия (Как организовано исключение альтернативных взглядов на проблемы, которых касается данное понятие?);

нарративность (Для каких «историй» данное языковое выражение является коммуникативной «аббревиатурой»?) [7].

В настоящее время в центре дискуссий по истории понятий все чаще оказываются проблемы метафор. Привлечение в историю понятий метафор, исключенных из нее в свое время Йоахимом Риттером, означает не просто расширение предметной области, а серьезное изменение подхода. По-видимому, понятия, имеющие ныне строгое определение, по-прежнему несут в себе остатки первоначальной метафоричности, в которой заложены те имплицитные смыслы, которые задают варианты исторических изменений эксплицитной семантики понятия. Особый интерес вызывают категориальные катахрезы, «мертвые метафоры» (*tote Metaphern*), поскольку они скрытым образом воздействуют на процесс познания и часто ведут его по ложному пути. В настоящее время готовит-

ся широкомасштабный проект «Scientia metaphorica», в рамках которого планируется издание «Исторического словаря метафор в философии и науках».

Расширение и усовершенствование подхода истории понятий также возможно по пути замены «понятий» на «фигуры» в качестве эвристического исследовательского инструмента. «Понятие», происходящее от греч. «логос», «идея», подразумевает определенную инвариантность и телеологичность истории терминологии, а «фигура» отстоит от идеалистических традиций и позволяет лучше фиксировать сходства и различия, случаи переходов между разными областями знаний. Она не привязана к какому-либо определенному дискурсу (как «понятие» привязано к дискурсу философии и науки, а «метафора» – к дискурсу литературы и эстетики) и «открывает простор для описания и теоретической рефлексии». «Фигура» дает возможность негерменевтического подхода – толкования истории как ее переписывания, конструирования с позиций современности [8, s. 18].

История понятий и естественные науки долгое время были обособлены друг от друга. В последнее время медийное и культурологическое переосмысление гуманитарных наук, а также завершение больших проектов словарей породили дебаты о расширении предмета и методологии истории понятий.

По мере того как история понятий освобождается от своих гуманитарных и идеалистических рамок, усиливается интерес к ней со стороны истории науки (Wissenschaftsgeschichte). Сосредоточенность последней на конкретных и экспериментальных исследованиях вначале обуславливала приоритет микроистории, однако «чем короче изучаемые отрезки времени, тем больше опасность систематического пренебрежения исторической длительностью. Пришло время изучить процессы длительной протяженности в локальной истории, не отказываясь от детальности ее изложения» [9, s. 17]. В связи с этим особый интерес вызывают работы Людвиг Флека и новые теории преодоления границы между природой и культурой – например, теории «эпистемного предмета» (Ханс-Йорг Райнбергер) или дискурса природы-письма.

Предпосылкой взаимного проникновения истории понятий и истории науки является разработка истории их разделения (исторического, дисциплинарного и международного). В истории науки и в гуманитарно-ориентированной истории понятий сформировались две традиции осмысления понятий, которые мало взаимодействуют. Когда в современных естественных и технических науках предпринимаются попытки исторической рефлексии над собственными понятиями, они часто совершенно не учитывают методические стандарты предыдущих исследований по истории понятий. Наоборот, институционализируемая история понятий, как правило, игнорирует перспективные для нее подходы Людвиг Флека и Томас Куна. Только последнее время появляются по-

пытки использования результатов и методов истории понятий для исследований по истории науки.

Если гуманитарная история понятий зачастую преувеличивает миф о преемственности понятий, то в естественных науках, наоборот, не замечаются стабильные семантические элементы и преобладают теории возникновения новых понятий без учета их предыстории и последующей истории. Необходимо понимать, что противопоставление гуманитарных и естественных наук не может быть легко преодолено; перенос истории понятий, сложившейся в философии, филологии и истории, в сферу естественных наук требует переосмысления или даже ревизии ее инструментария.

Хеннинг Шмидген утверждает, что при интердисциплинаризации и адаптации истории понятий к естественным наукам она должна претерпеть три децентрирования [10]. Децентрирование истории означает, что современность приобретает центральное эпистемологическое значение: она поставляет критерии суждений и научных реконструкций, а значит, в истории понятий имеет место нормативный компонент. Децентрирование науки нацелено на реконструкцию генеалогии (исторического контекста) того или иного научного понятия, включая его предысторию. Децентрирование понятия отвергает терминологические и лексикологические формы изучения изолированных слов. По мнению Жоржа Кангилама, научное понятие формируется тогда, когда устанавливается упорядоченная связь терминологического выражения с предметом и представлением о нём. Такая тройная схема позволяет дифференцированно рассматривать отношения отдельных компонентов понятий и способствует переходу от критикуемой алфавитной лексикографии к изучению сетей и кластеров понятий.

История естественно-научных понятий требует осмысления их материальной включённости в исследовательские практики и экспериментальные системы. Понятия являются не просто внешним языковым обозначением практики, а воплощением когнитивного содержания, т. е. непосредственно участвуют в исследовательском процессе. Райнбергер различает стабильную и нестабильную привязку понятий к предметам. Стабильные понятийные воплощения – это предметные теоремы, технические предметы или, пользуясь термином Гастона Башляра, «феноменотехники», имеющие определенную функцию. Как совокупность экспериментальных условий они создают стандартизированные рамки исследовательского процесса. В этих рамках нестабильно закреплены «эпистемные предметы» как конкретные объекты научного познания. Возможно, эти гибридные пары «объект-понятие» с их конститутивной неясностью означают перенос в естественные науки давней проблемы гуманитарной истории понятий о соотношении понятий и метафор, которая в новой сфере принимает облик проблемы соотношения феноменотехник и эпистемных объектов [11].

В настоящее время в Германии реализуется идея о цифровом объединении словарей различных типов, для того чтобы они могли дополнять друг друга за счет своих сильных сторон. В 2002 г. на первой Международной конференции по лексикографии в Берлине были представлены более 50 больших словарей. Часть из них уже размещены на интернет-портале Академии Берлина-Бранденбурга и Академии Хайдельберга (www.woerterbuch-portal.de), а именно «Словарь современного немецкого языка», «Цифровой словарь немецкого языка XX в.», «Словарь права», «Указатель идиом нижненемецкого диалекта» и в скором времени появится «Словарь Гете».

История понятий сегодня уже стала зрелым теоретико-методологическим направлением, и это позволяет ей быть открытой для эклектизма методов. Главное, что изменилось со времен начала издания словарей Риттера и Козеллека, – это понимание комплексности исследований по истории понятий, которые охватывают все более широкие смысловые горизонты из области истории словоупотребления, аргументации и дискурса. История понятий, в немецкоязычном пространстве долгое время развивавшаяся в русле истории идей и истории терминологии, постепенно преодолевает свою ограниченность гуманитарной сферой. В дальнейшем она может помочь преодолеть дуализм гуманитарных и естественных наук, если она будет перенесена на естественные науки и утвердит представление об историчности, а не онтологичности их семантики.

Список литературы

1. Barck K., Fontius M., Thierse W. Ästhetik, Geschichte der Künste, Begriffsgeschichte. Zur Konzeption eines «Historischen Wörterbuchs ästhetischer Grundbegriffe» // Ästhetische Grundbegriffe. Studien zu einem historischen Wörterbuch. Berlin (DDR): Akademie-Verlag, 1990. S. 11–48.
2. Vorwort // Ästhetische Grundbegriffe. Historisches Wörterbuch in sieben Bänden / hrsg. von K. Barck. Stuttgart [et al.]: Metzler, 2000–2005. 2000. Bd. 1. S. VII–XIII.
3. Reallexikon der deutschen Literaturwissenschaft / hrsg. von Klaus Weimar. Neubearbeitung. Berlin [et al.]: de Gruyter, 1997–2003.
4. Dutt C. Begriffsgeschichte als Aufgabe der Literaturwissenschaft // Literaturwissenschaft als Begriffsgeschichte / hrsg. von Ch. Strosetzki. Hamburg: Meiner, 2010. S. 97–110.
5. Krüger K. Bild – Schleier – Palimpsest. Der Begriff des Mediums zwischen Materialität und Metaphorik // Begriffsgeschichte im Umbruch? S. 81–112.

6. Stötzel G., Wengeler M. et al. Kontroverse Begriffe. Geschichte des öffentlichen Sprachgebrauchs in der Bundesrepublik Deutschland. Berlin [et al.]: de Gruyter, 1995.
7. Knobloch C. «Rasse» vor und nach 1933 – vornehmlich in den Geisteswissenschaften // Begriffsgeschichte im Umbruch? Hamburg, 2004. S. 113–130.
8. Müller E. Einleitung. Bemerkungen zu einer Begriffsgeschichte aus kulturwissenschaftlicher Perspektive // Begriffsgeschichte im Umbruch? / hrsg. von E. Müller. Hamburg: Meiner, 2005. S. 9–20.
9. Rheinberger H.-J. Epistemologie des Konkreten. Studien zur Geschichte der modernen Biologie. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2006.
10. Schmidgen H. Dreifache Dezentrierung. Canguilhem und die Geschichte wissenschaftlicher Begriffe // Begriffsgeschichte der Naturwissenschaften. S. 149–164.
11. Rheinberger H.-J. Objekt und Repräsentation // Mit dem Auge denken. Strategien der Sichtbarmachung in wissenschaftlichen und virtuellen Welten / hrsg. von B. Heintz und J. Huber. Zürich [et al.]: Voldemeer, 2001. S. 55–61.

THE MODERN STAGE OF CONCEPTUAL HISTORY IN GERMANY: AN INTERDISCIPLINARY DIVERSITY

A.V. Gorobiy

Tver State University, Tver

Coming out of its philosophical origin the conceptual history as an interdisciplinary research program at first gained a firm position and popularity in the adjacent humanities: literary theory, aesthetics, linguistics, sociology, etc. It became one of the key elements of the so called «cultural studies turn». Recently the conceptual history has been more and more often used in the natural sciences as well, which promises to overcome the existing barriers between them and the humanities.

Key words: *conceptual history, interdisciplinarity, humanities, natural sciences, cultural studies, Germany.*

Об авторе

ГОРОБИЙ Алексей Викторович – кандидат исторических наук, соискатель кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: alexogor@mail.ru

Author information

GOROBIY Alexey Viktorovich – PhD in History, PhD student at the Chair for Philosophy and Theory of Culture at the History Department of the Tver State University, Tver. E-mail: alexogor@mail.ru.